

Декабрь 2001 г.

Письмо Володи Опекунова от 28 октября 2001 г.

г. Минск

Здравствуйте, дорогие Александр Андреевич и Александра Николаевна!

Очень рад после летнего безмолвия восстановлению нашей переписки. Ваши письма мне очень нужны. И не только для удовлетворения личной любознательности, но и для воспитания своих детей на положительных примерах. Особенно для этого хорошо подходит Митя. Я говорю своим детям: смотрите и учитесь. Митя работает в европейских научных учреждениях, находится на переднем крае науки, а придёт такое время, когда Родина призовет его к себе, он может вернуться, обогащённый самыми современными знаниями и методами работы. А если и не вернётся, то всё равно его труд не пропадёт, так как его исследования служат делу развития мировой науки.

Не знаю, действуют ли такие слова, но Андрей успешно закончил первый курс, получает стипендию в 20 долларов, а среди его книг я стал замечать и нестандартные учебники и книги по истории физики. Я боялся, что он пошёл на физику, не имея романтической установки на эту великую науку, но вроде он её как бы приобретает. Саша же разрывается на части. Ездит на подготовительные курсы по физике и математике для поступления в лицей при Политехе и продолжает ходить на каратэ. А тренер ещё больше смущает его словами: "Если ты будешь чемпионом Белоруссии, я тебя в Политех без экзаменов протолкну". Меня всё это очень беспокоит, но я боюсь делать резкие движения, как бы не навредить делу. Надеюсь, что ребёнок сам сделает выбор и не в пользу каратэ. Продолжает он также ездить и на занятия по английскому языку на квартиру к преподавателю. Группа в четыре человека. Саше там нравится.

Со своим романом я погряз в наборе и вёрстке. Писатель Юрчук, о котором я вам писал, рекомендовал мне наборщицу, которая делала его книгу "Московская богема" прямо с рукописи, из общей тетради. И вполне прилично, я читал набор, ошибок было немного. У меня же после обработки текста всякими редакторскими программами было выявлено мною сотни опечаток. В первом варианте набора - около ста, а во втором варианте, что никто не делает, я обнаружил 52 ошибки.

Поскольку чтение занимает много времени, успел ко второй вёрстке подобрать эпитафии из работ своего преподавателя по философии Виктора Фёдоровича Овчинникова, прилагаю письмо ему в связи с постигшим его горем, смертью жены, из сборника А.Н. Хованского и Библии. Библия для этого очень подходит, в ней есть слова на все случаи жизни.

Хотел было воспользоваться и книгой С.Б. Лебле "Волноводное распространение в ...", но не удалось вырвать из неё ни строчки. Надо будет попросить его, чтобы при подготовке других книг писал как можно более развёрнутые предисловия, чтобы облегчить мне задачу.

Вашу книгу я тоже не успел применить, так как не могу добраться до неё из-за оформления своего романа, но дал зарок, что как только сдам в типографию, сразу скачаю с сайта "Проза.Ру" ваши тексты. Если что подберу, поставлю в качестве эпитафии в другое издание, на которое я надеюсь.

Уже две недели бьюсь над обратной стороной титульного листа, где размещены аннотации на русском, английском и немецком языках. Переводы делала Раина подруга, но наборщица не различала в не совсем хорошем почерке "е" и "с" и так далее. Я не проконтролировал, а когда увидел, ужаснулся. В немецком тексте так много ошибок, что хоть начинай всё сначала.

Я рад, что оказался в Ваших текстах.

По этому поводу писатель Кузнецов говорил мне, что один его знакомый обиделся на него за то, что он не упомянул его в своём порнографическом романе, видимо, это имеет значение не только для меня. Сам Кузнецов идёт по пути исправления, уже восемь месяцев не пьёт, хочет попробовать только на Новый год, но твёрдо помнит слова своего доктора, который сказал ему после пятой реанимации, что шестого захода в больницу Кузнецов не выдержит. Об этой последней ходке в больницу после запоя Кузнецов показывал мне главу из своего нового романа. Впечатляющими для меня были строки, в которых медсестра говорит врачу, что у больного наконец-то пошла моча. До этого был полный коллапс. Связь с внешним миром только путём дыхания.

Его друг художник Августинович бесплатно обработал восемь моих рисунков, бесплатно, но это условно, так как приходилось оказывать ему некоторые услуги, ездить в деревню к тёще и на поиски сокровищ, а также на рыбалку. О поисках сокровищ надо писать отдельно, скажу только, что один мой знакомый рассказывал, как его знакомый раскапывал захоронения времён войны. В Белоруссии погиб каждый четвёртый житель, в основном евреи. Так вот эти искатели находят такие захоронения и ищут золото, которые евреи брали с собой и прятали в различных частях своего тела. Всё это страшно рассказывать, но так оно и было. Мы сами, конечно, ничего не находили, но Кузнецов с азартом

прозванивает землю своим металлоискателем. Около заброшенных хуторов мы находили гвозди и старые подковы.

Рыбалка была гораздо интереснее. За три дня мы проехали весь север Белоруссии и ловили рыбу на двух озёрах. Места живописные. Одну ночь провели на Черейском озере, довольно большом. Ночью ставили сеть, которую одолжили у моего сына Саши, но делали всё так бестолково, жгли костер, кричали, так что не удивительно, что эту сеть у нас украли, зато утром Кузнецов выловил чужую сеть с одним крупным подлещиком. Вода позволяла купаться, и он нырял полчаса, прежде чем достал эту сеть. Приключений было много, включая буксировку моей машины с помощью коня. Об этой рыбалке я упоминаю в письме к Виктору Фёдоровичу.

Я рад за Вас, Александр Андреевич, что Вы поймали наконец-то сёмгу, когда я видел нашу бестолковую рыбалку, подумал, что Вы с такими рыбаками и рядом стоять не захотели бы. Я вспомнил также героя книги "Моби Дик, или белый кит", который гонялся за китом и наконец-то встретился с ним. Такие герои меня всегда радуют, так в них чувствуется характер.

Я заканчиваю это письмо, так как надо готовить ужин. Сегодня суббота, но Рая работает, да и в обычные дни я очень много времени занят делами по дому. Андрей пришёл с занятий в университете и спит. Обещал вечером сканировать мои письма и отправить адресатам. Саша поехал на английский язык на квартиру к преподавателю. Их изгнали из домоуправления и из колледжа, где преподаёт его учитель. Не хочется платить за аренду помещений и налоги. Всё это сказывается и на плате за обучение. Человека можно понять. В основном людям живётся нелегко.

Я попробую сканировать ещё и шесть страниц письма брату. Если получится, прочитаете, как я провёл десять дней в Калининграде и почему никому не звонил, а также письмо жене брата с благодарностью за бутылку водки, которую она мне подарила.

Жду также сообщений от наборщицы. У нас не прошла её вёрстка в системе "Пейдж Мейкер", некоторые места не распознались. Та же пресловутая четвёртая страница. Я немного жалею, что преждевременно расплатился с наборщицей - 122 доллара за 540 страниц формата А5 по заданным параметрам от типографии, это вместе с вёрсткой. А теперь у неё сбой в компьютере. А время идёт.

Сергей Борисович приглашает нас в Польшу. Я прочитал эти письма Рае, и вообще держу всех своих в курсе дел, она сказала, в поездке в Польшу нет ничего сверхвозможного. Но пока для меня это просто мечта. Бог даст, может быть когда-нибудь. Рыбалка кажется более возможным событием. Может быть, когда-нибудь порыбачим с Вами на белорусских озёрах. По рекламе их у нас 10000, но уж очень круглое число.

Желаю Вам всего самого хорошего. До свидания.
Володя Опекунов

Александр Андреевич!

Прошу Вас в порядке исключения принять от меня ещё одно обычное письмо, далее буду пользоваться только электронной почтой. Выбрали из Интернета "Проза.Ру" первые главы "Записок рыболова-любителя", начал их читать. Читать очень легко и приятно.

Ваши "Записки..." мне напоминают "Воспоминания" академика Крылова (кораблестроителя), книгу И.И. Мечникова "Этюды о природе человека" и, как это ни странно, "Записки жандарма", кажется, автора Новицкого. Очень искренне и редко как по-доброму. Ещё Слежкин заметил, что Ваши тексты очень просты. Мне такой стиль симпатичен. Я считаю, что важнее то, что пишешь, а не то, как пишешь. Поэтому всякие модернисты меня тяготят. Я, наверно, уже никогда не буду радоваться стилистическим "наворотам". Поиграть смыслом ещё можно, пустить неоднозначность или двусмысленность, но не более того. Буду читать внимательно и со вкусом, чтобы подготовить рецензию.

5.11.2001 г.

Мой брат остался в Германии на ремонте судна после рейса. Возвращение домой - в середине декабря. Собирается навестить меня в Минске.

P.S. С типографией договорился на 100 экземпляров за 300\$, вместе с набором и вёрсткой себестоимость будет 4\$ за экземпляр. Издатель - знакомый Раи. Она лечит его дочь. Думаю, поэтому он не берёт много. В других издательствах типичная себестоимость 5-6\$ при объёме в 500 страниц.

Письмо Володи Опекунова от 9 ноября 2001 г.

Уважаемый Александр Андреевич!

г. Минск

В связи с ремонтом квартиры (вернее, одной комнаты) пришлось временно оторваться от Интернета. Рая догуливает ещё один месяц своего отпуска и решила, чтобы не терять времени, переклеить обои в спальне. Из-за этого - полный развал. Дети разбрелись по бабкам, бывают дома через день.

Я только что вышел из типографии, согласовывали обложку и вносили последние исправления. Ошибки так и лезут. Просмотрели места стыковки файлов набора, места иллюстраций, эпиграфы, включённые стихотворения и т.д. Далее всё должно идти без моего участия.

Прочитал первые 10 Ваших глав. Вспоминается Набоков, который говорил, что только в эмиграции понял, в какой доброй обстановке он жил дома. Надо было хватить лиха, чтобы почувствовать это. В первых же главах погружаешься в обстановку любви и добра, которая царит в вашем детстве. Недавно Путин в интервью американке на её вопрос о трудном детстве сказал, что он в детстве испытывал любовь своих близких, а это не делает детство трудным, какое бы оно ни было. Известно, что детство Садама Хусейна проходило в очень жёсткой атмосфере, которую создавал отчим, это формировало зловонную личность.

Описания природы - очень трогательные. Отношение к людям - самое уважительное. Готовлюсь к восприятию отрицательных персонажей и наших реалий в последующих главах.

Я приобрёл у Юрчука для Вас его книгу "Московская богема", чтобы показать, как могут люди писать витиевато. Я просто не могу ничего запомнить из его текстов, в то время, как Ваши "западают в душу", т.е. находят в ней отклик и вызывают всевозможные чувства и ассоциации.

Юрчук водил меня на днях в Международный образовательный центр в Минске на встречу немецких и белорусских журналистов по вопросу: "Сколько свободы надо журналисту?" Присутствовали посол ФРГ в Белоруси, шеф Восточного отдела ОБСЕ, ведущие редакторы крупных газет и телевидения. Юрчук выступил с гневной речью о низком уровне белорусской журналистики и "серости" журналистов, не способных описать "простой поведенческий акт". Я оказывал Юрчуку моральную поддержку. После чего мы распили с ним бутылку водки.

Юрчук убеждает меня, что он - гений. Иногда я и сам вдруг начинаю в это верить. Но сомнения всё же одолевают. Прошу Вас, Александр Андреевич, по возможности, почитать книгу Юрчука. Его роман я собираюсь Вам выслать вместе с моим. Я читал его набор, но обращал внимание только на точки и запятые, поэтому упустил свой образ. Оказывается, он вдохновил Юрчука на создание некоего образа по фамилии Обручев В.Н. (далее цитирую)

«... мужчина лет пятидесяти, невысокого роста, был талантливым и журналистом, и прожигателем жизни-экзистенции, любил выпить, причём он пил, по-видимому, всё, кроме бензина и керосина, он также являлся истинным мастером парадокса, говорил о том, что когда-то сильно пострадал от посредственностей-завистников, но не приводил факты насчёт этого своего, сугубо личного дела, ... за бутылкой водки преподносил Данилову диковинно-парадоксальные высказывания ...»

В общем, Юрчук ввёл меня в своё повествование. А я очень сожалею, что поздно прочитал Ваши главы. В своём романе я иронизирую по поводу проблемы идентификации и самоидентификации, в том числе и национальной. Я сам стремлюсь превратиться в еврея, мои герои переходят из одной национальности в другую: махровая еврейка оказывается русской и т.д.

Я просто застал от досады, когда понял, что уже не могу включить в вёрстку следующие строки:

"один известный русский учёный, а такой статус он имеет вполне официально, так как входит в соответствующие списки-справочники, до того момента, как его родители оформили брак, чего они долго не могли сделать из-за войны, был немцем, а потом превратился в грузина, что, конечно, совершенно не мешает ему быть обыкновенным, если можно так выразиться, так как он в общем-то необыкновенный, но не по этой причине, русским человеком.»

Если будет второе издание, мне бы хотелось включить в текст что-то подобное.

А пока остаюсь с намерением дочитать всё не спеша и со вкусом. Надеюсь на интересные ассоциации.

До свидания.

Володя Опекунов

Письмо Володи Опекунова Лебле от 28 октября 2001 г.

г. Минск

Дорогие Сергей Борисович, Аня, Вова и Машенька!

Очень рад, что между нами возобновилась связь, да ещё электронная. Я не перестаю удивляться, когда вижу, как из компьютера выходят Ваши слова. Иногда кажется, что если развитие средств связи пойдёт и дальше, то со временем можно будет установить отношения с потусторонним миром и принимать сообщения оттуда. Помните, как я вам рассказывал об эксперименте, который провели

философы с нашей кафедры из КГУ. Когда один из преподавателей, Золотухин, узнал, что болен раком и безнадежно, он предложил себя для установления такой связи. На кафедре заготовил и оставил письмо в сейфе для проверки полученного потом сообщения. Это было уже после меня и об этом мне рассказал Троепольский, когда он учился на курсах повышения квалификации в Минске, ещё в бытность нашего Союза ССР. После положительного результата эксперимента Троепольский больше не стесняется своей веры и открыто ходит в церковь. Мне он говорил, что его дед был священником.

Любое Ваше письмо мне очень интересно, в том числе и о носках, так что пишите всё подряд. Ваши письма меня вдохновляют. К сожалению, я ещё не освоился с компьютером, хотя прошёл уже год после его приобретения. Пишу текст на машинке, а потом Андрей его сканирует и отправляет. Но я не отчаиваюсь. Я всё делаю очень медленно, гараж строил четыре года, а в машине начал разбираться после пяти лет пользования ею. Пока не прочитал все официальные инструкции по ремонту. А это целые книги. По компьютерам я за год прочитал три книги, так что уже почти созрел. Расскажу лучше о том, как идёт дело с книгой.

Я написал текст за год в 1996 году, отпечатал его и отнёс в издательство "Мастацкая літаратура". Через два года забрал. Надежды никакой. В редакции журнала "Неман" сотрудники говорили со мной по-белорусски, хотя журнал русскоязычный. Один из редакторов сказал, что образ Тургенева совершенно не соответствует действительности. Я ему сказал, что это образ не Тургенева, а моё представление о нём. И никто не может, кроме меня, говорить, соответствует ли написанное моему личному образу Тургенева. По этому поводу мой знакомый писатель Юрчук говорил, что все белорусские редакторы "плуги", то есть находятся слишком близко к земле, высь не устремляются.

Я послал книгу в машинописном варианте Виктору Фёдоровичу Овчинникову на предмет оценки его образа. При встрече Виктор Фёдорович сказал, что он книгу не читал, так как очень занят, но выслушал мнение своей жены, которая книгу похвалила и сказала, что Виктор Фёдорович изображён в ней неплохо и всё остальное тоже вполне можно читать.

Я уже начал было утрачивать интерес к своему роману, как вдруг позвонил Александр Андреевич Намгаладзе и сказал довольно много добрых слов о романе. С этого момента я воспрял духом, а когда Александр Андреевич сказал, что роман имеет право на существование моему брату, во время их встречи в Мурманске, то и брат поверил в роман. Его жена текст прочитала и одобрила. В результате в августе этого года брат дал мне 300 долларов в качестве материальной поддержки, с чего и началось движение.

К этому времени я попробовал себя в качестве редактора одной порнографической книги, а её автор весьма одарённый человек. Я заметил, как много бывает погрешностей, не обнаруженных самим автором. Для автора многие вещи понимаются "за кадром". Я не говорю о грамматических ошибках автора и наборщицы. Никакая программа не в состоянии их выловить. В книгу я предложил вписать молитву героя, который кается в грехах и ждёт помощи от Бога, чтобы прекратить "эту карусель". Автор мою молитву принял и включил в главу о посещении своей родины. Но сам автор редактировать меня не решился, хотя книгу прочитал, и она ему понравилась, главное тем, что она не порнографическая, и за неё не стыдно, её можно издавать где угодно.

Я начал поиски редактора. В редакционно-издательских отделах, которых очень много в Минске, с меня везде требовали не менее 200 долларов из-за большого текста в 840 машинописных листов через два интервала, по 1800 знаков на странице. Мне хотелось сэкономить, и я нашёл редактора на улице, прямо у ворот своего гаража. Мимо проходил человек с косичкой. Я извинился и спросил, не художник ли он. Человек ответил, что он журналист. Это оказался 40-летний Игорь Матвеев, русский, уроженец Ленинграда, но всю жизнь прожил в Минске. После службы в Афганистане, за что он был награждён двумя медалями "Красная звезда", Игорь закончил журфак БГУ и в последнее время работал в редакции "Народной воли" - оппозиционной газете, существующей на иностранные деньги.

Спонсор тратит средства на подрыв последнего осколка Российской империи, чем, по моему мнению, является Белоруссия. В то время как самой России на себя как на империю давно наплевать. В газете ещё сохраняются "неизжитые националистические пережитки", и хотя на них мало надежды в разложении государства, тем не менее они ещё культивируются. После того, как Игорь принёс богатый материал о грандиозном мероприятии, проводимом в Минске в связи с какой-то годовщиной Рахманинова, а Игорь, к своему несчастью, имеет и музыкальное образование и чрезвычайно почитает Рахманинова, редактор сказал ему: "Зачем нам Рахманинов? Он же расейский композитор". Игорь и без того живёт в "афганском синдроме", а тут такие гадости! В общем, Матвеев обложил главного редактора последними русскими словами, ногой открыл (выбил) дверь и ушёл из редакции. С тех пор уже как полгода не работал.

Я дал ему на пробу несколько своих рассказов и остался доволен его правками. Несмотря на беспутный образ жизни, пьянство, потерю двух жён и по ребёнку в каждой семье, он сохраняет высокий интеллект и изумительную память. Он выловил много фактологических ошибок в романе, убрал повторы слов, местами даже слишком. Роман написан от первого лица, что требует частого повторения слова "я".

Игорь сам не исправлял, но я под его влиянием переусердствовал и местами убрал "я" даже в тех случаях, когда это не нужно было делать. Предполагалось, что работу он выполнит бесплатно, но бесплатным бывает только сыр в мышеловке. В результате мне пришлось потратить на встречи с ним, а проще говоря пропить, около 30 долларов. Но это не потеря, так как он рассказал мне много интересного о войне в Афганистане и журналистской обстановке в Белоруссии, за что я ему, конечно, очень благодарен.

Правил он мой роман месяца два. Уже после выполнения работы перед моей поездкой в Калининград попросил у меня 10 долларов на журналистскую встречу в Бресте, в Беловежской пуще. Якобы там собирается неформальное объединение "Зубр". "За Украину, Беларусь, Россию". Я думал, что это какое-то панславянское движение, но во время выборов увидел их плакаты. Высокие по качеству полиграфии и весьма недалёкие по содержанию, да ещё против Лукашенко. В Бресте Игорь попал в каталажку и просидел там до моего возвращения из Калининграда, после чего просил ещё деньги, но я ему больше не давал, но обещал книгу и поставить его фамилию в качестве редактора, к чему Игорь совершенно равнодушен.

На глазах моего брата погибал также его главный редактор из газеты "Маяк", где брат проработал год и стал членом журналистов СССР, одним из последних. Этот журналист, Агеев, находясь в критическом состоянии написал душераздирающий очерк о своей жизни под названием "На дне". Мне страшно писать, но мой самый первый редактор покончил жизнь самоубийством. Такая вот судьба редакторов. При всём к ним уважении. Что касается Матвеева, то он очень серьёзно отнёсся к тексту и ко всем моим попыткам иронизировать делал пометки, так что после него осталась целая подборка, которую можно назвать "примечания редактора". Например, я пишу: "мне, как и дебилу, наливали по половинке основной порции". На что Матвеев писал: "Ну, зачем вы так о себе, Владимир Васильевич?". Что касается мистической линии, то Матвеев не только принял её, но предлагал развить, из чего я понял, что он глубоко верующий в мистику человек. После его правок текст утратил значительную часть иронии и стал довольно грустным.

Под влиянием такой серьёзной установки я убрал сам несколько моментов. Вот пример, касающийся вас, Сергей Борисович. В разговоре со своим другом-плотником о женщине, которую избивал муж-милиционер, я говорю (говорил в первом варианте): "Муж и жена - одна сатана". А далее убрал следующие слова: "Мой преподаватель по теоретической физике Сергей Борисович, который участвовал в конгрессе, посвящённом развитию математики в следующем веке, и таким образом оказался в числе двух тысяч крупнейших математиков мира, так вот он, хорошо разбираясь в математике, говорил: "Муж и жена - две сатаны". Матвеев, испытывая уважение к моему герою, который сам не появляется, но присутствует, предложил убрать эти слова, как совершенно непонятный намёк.

И таких намёков у меня очень много. В этом смысле я последовательно иду за покойным Григорием Гориним, который говорил о том, что не надо говорить прямо, это примитивно, надо говорить косвенно, намёком. Для театра в Иерусалиме он писал пьесу о царе Соломоне. Евреи прочитали первую часть и просили Горина дописать пьесу, закончить её в том духе и стиле, как предлагал Горин. Когда же я писал свои строки, я просто использовал момент обсуждения женщины, чтобы показать, насколько велик и могуч мой герой Сергей Борисович. Говоря не о нём, а о женщине. Это косвенная форма сообщения. И она мне нравится больше, чем прямая.

Кроме того, я помнил наш разговор на семинарах по теоретической физике о том, что не так много в мире великих физиков. Вы тогда говорили: "Да, но не нужно готовить пушку для стрельбы по воробьям". Я же хотел упоминанием о Вас сказать, что нужно быть математиком, чтобы найти не одну, а "две сатаны". Редактор Матвеев никак не хотел видеть здесь юмор.

Во время написания романа мне пришлось почитать, хоть и не очень много, теорию литературы, а заодно и принципы разработки киносценариев.

Я написал сценарий "Опасная зона" о совместной белорусско-американской экспедиции в Чернобыльскую зону, но добился только того, что у меня похитили несколько идей и много героев. Фильм, снятый по мотивам моего сценария "Рейнджер атомной зоны", я держу в видеокассете, на память. Фильм весьма примитивный и полон глупостей. Я пожаловался на создателей этого фильма Александру Андреевичу Намгаладзе, который меня и успокоил. А до этого моему возмущению не было предела.

Я надеюсь, Сергей Борисович, что вы прочитаете мой роман, а если бы его пришлось когда-нибудь и обсудить в непринуждённой обстановке, я почувствовал бы себя очень счастливым человеком. Я знаю, насколько вы внимательный читатель и прекрасно помню, как вы поправляли меня в непонимании Ильи Эренбурга и античных писателей. Лучших уроков по литературе у меня не было.

Я не могу описать красоту природы, с трудом мне приходится писать портрет человека, но у меня просто автоматически получается двойной смысл. Даже тройной. Или вот так: я пишу одно, а думать надо прямо противоположное. Применяю также приёмы недооценки и переоценки. В общем, забавляюсь. Это результат моих занятий философией.

Заканчиваю это письмо наилучшими пожеланиями. Прилагаю в качестве иллюстраций к событиям моей жизни копии писем А.А.

Володя

В связи с ремонтом в квартире стало затруднительным пользоваться компьютером, поэтому отправляю письма дедовским способом. Спасибо за приглашение в гости. Приглашение меня взволновало, так захотелось в Польшу, к вам.

Письмо Володи Опекунова В.Ф. Овчинникову от 28 октября 2001 г.

г. Минск

Уважаемый Виктор Фёдорович!

Несколько дней прошло с тех пор, как я получил от Слежкина сообщение по электронной почте о смерти Вашей жены Марии Венедиктовны. Разумеется, и для меня - это большое горе. Невозможно переоценить то внимание, которая она уделяла мне и моим детям. Всегда я был тепло принят в Вашей семье и никогда этого не забуду. Светлая ей память.

Я знаю, какую важную роль Мария Венедиктовна играла в Вашей жизни. Благодаря ней Вы могли всего самого себя отдать главному делу своей жизни: философии и воспитанию философов. Как боевая подруга офицера она всегда была рядом и помогала во всех делах, была заботливой женой, матерью Ваших детей, секретарём и научным сотрудником, что и отмечено в строках благодарности в Ваших книгах. Благодаря ней у Вас есть хорошая семья, дети и внуки, унаследовавшие Ваши таланты, что делает жизнь полной и содержательной. Не у каждого философа жизнь складывается так удачно, и примеров тому очень много.

Грустно, что нарушен обычный для нас порядок, когда муж умирает первым, а вдова ещё долгое время хранит память о нём и делает всё возможное, чтобы продлить интерес к творчеству своего мужа.

Я не смог сразу ответить на сообщение Слежкина и собраться с мыслями, мне потребовалось некоторое время, чтобы осознать случившееся, поэтому я и задержался с выражением глубокого соболезнования. Я надеюсь, Виктор Фёдорович, что смерть Вашей уважаемой супруги, как бы тяжела она ни была, не нарушит Ваши творческие планы и Вы выполните всё задуманное. И это будет лучшим способом сохранить память о ней и её присутствие в Вашей жизни.

Я помню Вашу установку, которую вы выражали словами А. Грина: "Пока пишу, я живу". Пишите больше, мне очень интересно Вас читать. Я выбрал строки из Вашей книги "Феномен таланта в русской культуре" об иррациональном в творчестве и поведении гения и сделал их эпиграфом к одной из глав своей книги. Содержание главы удивительным образом соответствует Вашему тезису об иррациональном и служит иллюстрацией к этой идее, что лишний раз указывает на духовное родство, которое существует между нами. Интересно то, что глава была написано до того, как я прочитал Ваш тезис об иррациональном.

Надеюсь, что к Новому году я буду держать книгу в руках и смогу передать Вам экземпляр с надписью о глубокой благодарности, которую я испытываю к Вам и Марии Венедиктовне.

Мои старший брат-моряк страшится старости, и хотя у него много планов по завершению начатых книг, он не уверен, что сохранит работоспособность достаточно долго. Я вдохновляю его Вашим примером. В душе я тоже побаиваюсь того, что не сделаю задуманного, но недавно получил свидетельство того, что из-за этого не стоит отчаиваться.

В конце августа вместе с художником, который делал мне иллюстрации, и писателем, которого я редактировал, мы поехали на рыбалку на Черейское озеро, километрах в 100 от Минска, в деревню Белая церковь, названную аналогично украинскому городу по типовому проекту грандиозных храмов, построенных якобы ещё во времена Екатерины II. Я пошёл в деревню, чтобы пополнить запасы продуктов салом и яйцами, которые намеревался купить у местных жителей.

На краю деревни, на лавочке около старого деревянного дома сидел ещё более старый мужчина. По лицу было видно, что его здоровье не было разрушено жизненными невзгодами и пьянством, как это часто бывает. Он находился в здравом уме и крепкой памяти. Мы разговорились. Оказалось, что он живёт совершенно один, жить с детьми в Минске не хочет. У него нет ни коровы, ни свиньи, ни даже кур. На свою пенсию покупает продукты в магазине и у местных жителей, сало ест только зимой. "Чем вы занимаетесь?" - спросил я у него. - "Ничем, просто смотрю на мир, посмотрите, как красиво!" И действительно, вид озера с высокого берега был изумительным. "Я прожил здесь почти всю свою жизнь и не перестаю любоваться, и рад, что в старости никто и ничто не мешает мне это делать". Я понял, что это была позиция, не такая активная как у вас, Виктор Фёдорович, но всё равно достойная уважения. Может быть, этот человек считает, что сделал всё, что было нужно.

В связи со старостью своей матери, мы, её дети, иногда обсуждали проблемы, связанные с окончанием жизни и смертью. Кое-кто пытался говорить, что эти темы неприличны для обсуждения, но я всех убедил, что это обычные, вековечные проблемы, от которых никуда не уйти, и философы всех

времен и народов активно разрабатывают эти темы. Я с интересом прочитал о жизни и смерти в записках А.Н. Хованского, в издании которых принимал участие. Некоторые строки и стихи Алексея Николаевича я также включил в свою книгу. И пришлось они, как мне кажется, весьма кстати.

И ещё одно интересное наблюдение, о роли, которую может играть старый человек. Философ Жучков в 1977 году рассказывал мне, как он хоронил Валентина Фердинандовича Асмуса, в то время совершенно одинокого человека, которого немцы приглашали в Майнц на конгресс, посвящённый Канту, кажется 1974 года. Переписку с немцами, в связи с приглашением, вёл Институт философии АН, а именно сам Жучков. Никто в институте отправлять Асмуса в Германию не хотел, так как выступать он уже не мог, кроме того, требовался сопровождающий, а на это нужна дополнительная валюта. Немцы ответили, что они оплатят поездку, а выступление не требуется, им просто хочется посмотреть на человека, который активно занимался Кантом. Они были согласны на участие Асмуса в роли символа русской (советской) философии. Я подумал тогда, что это вполне достойная роль.

Нечто подобное я обнаружил в морях. Капитан может просто присутствовать на судне и пить, закрывшись в каюте, по две недели подряд. Кажется, он никому не нужен. Но стоит ему отлучиться ненадолго, как на судне возникают безобразия. Я тогда понял, что капитан - это символ. Символ власти и порядка.

Я это говорю к тому, Виктор Фёдорович, что если вдруг Вы почувствуете ослабление творческого потенциала, а это было у моей матери после смерти отца, когда она вдруг почувствовала себя больной, стала ходить по врачам, а потом воспряла духом и прожила ещё двадцать лет, то я хочу заверить Вас, что при всей правоте А. Грина, есть ещё позиция, с которой можно взирать на этот мир, которую можно себе позволить и со временем принять. А роль символа Вы давно играете в моей жизни и жизни моих детей. Так что берегите себя для нас и Ваших детей и внуков.

Желаю Вам пережить Ваше горе и порадовать меня новыми книгами. Я буду их внимательно читать и отбирать слова для эпитафий.

Ваш верный ученик

Володя Опекунов

Письмо Володи Опекунова жене его брата от 9 августа 2001 г.

Дорогая Люба!

Мы благополучно выбрались из Переславского и уже успели отойти от поездки, тем более, что очухиваться долго не пришлось, сразу навалились дела по даче: дед и баба уже не могут играть существенной роли, дед из-за нарастающей потери памяти, а баба из-за сломанной ноги, и мне пришлось поливать, полоть и собирать помидоры. В этой ситуации особенно становится понятна вся глупость затеи с дачей. Рая бывает там за лето раза четыре, успела утратить интерес из-за своей работы и других клиентов, дело на даче раскручено и остановить или уменьшить его будет не просто.

Чем мог, я помог Сапрыкину в установке батарей отопления, побелке потолков, скопил сорняки в огороде, которые занимают половину участка, и навёл некоторый порядок на кладбище, о чём меня просил Веня. И всё же до конца дело не довёл: не успел из-за дождей покрасить оградку и лавочку. Люся с Максимом обещали помочь, но надежды на них не много. Думаю, что у них не хватит организованности.

С Санькой и Максимом мы всё же съездили на море, на полдня в воскресенье 12 августа. Максим вёл видеосъёмку, так что вечером мы просмотрели наши кадры по телевизору.

В понедельник 13 августа поехали с Санькой к Виктору Фёдоровичу Овчинникову, в госпиталь ветеранов войны. Виктору Фёдоровичу 76 лет, заметно постарел, но ещё активно работает с аспирантами и руководит советом по защите диссертаций. Саньке я объяснил ситуацию таким образом: если бы у нас было язычество, как в Древнем Египте, то Виктор Фёдорович как руководитель Калининградского отделения Философского общества России был бы главным жрецом, то есть святым человеком, и получить от него благословение на занятия наукой очень важно. К примеру, Андрей получил, и без экзаменов поступил в университет. Виктор Фёдорович опять вёл со мной разговор о моей диссертации, прекрасно помнит написанный им же план, и вдохновлял меня на успех. Сказал, что если моя книга появится, а с ней он знаком, то эта книга мне зачтётся. На самом деле идти на защиту, не имея за душой ничего, просто невозможно. В таком случае никто человека всерьёз не примет.

Был я и у Слежкина, отправил Саньку домой на автобусе, а сам на пару часов заскочил к нему. Слежкин продолжает активную деятельность. Преподает в двух университетах и публикуется на английском языке в международных химико-физических журналах. Общение с ним очень интересно.

Люба, прости, что я был не в лучшей форме в гостях у Иры. Нервное напряжение от пребывания в Переславском дало себя знать, и я расслабился. Благодаря чему приехал в Переславское и выспался как следует. Люся, ничтоже сумняше, перед сном просила меня, как когда-то маму, разбудить её в семь

часов. И я вынужден был всю ночь ждать, когда наступит рассвет, чтобы разбудить Люсю. Из-за этого не только дни, но и ночи были беспокойными.

Подаренная тобой бутылка водки очень пригодилась мне в субботу 11 августа. В девять часов утра пришли пьяные Вовка Шепелев и Толька Тарасов, но не для того, чтобы одолжить у Сапрыкина денег, а чтобы отметить встречу со мной как с другом детства. Я был тронут таким вниманием. Они принесли с собой четыре бутылки вина. С 9 до 10 утра мы распили их вино и водку в дровяном сарае Вовки Шепелева, а потом я опять пошёл на кладбище. Встреча вечером уже не получилась. Когда я к 18 часам пришёл с кладбища, то поднять своих друзей не смог. Но главное, что встреча состоялась.

Я написал письмо Вене в Мурманск на до востребования. Если он будет звонить, сообщи ему, пожалуйста, об этом и то, что я порядок на кладбище навёл.

Завтра у нас выборы президента. На работе кадровики провели большую разъяснительную работу, а меня даже отпустили на 5 и 6 сентября в Минск, чтобы я проголосовал досрочно. Студентам сделали бесплатный проезд на поездах и приостановили занятия 8, 9 и 10 сентября, чтобы они могли поехать в деревню и помочь своим родным выкопать картошку. Тем самым уменьшается количество молодёжи в Минске и сокращается база для возможных безобразий. Оппозиция уже объявила об организации митинга в центре Минска в знак протеста против подтасовки результатов выборов. В подтасовке необходимости нет, так как большинство населения всегда поддерживало и поддерживает Лукашенко. А он старается показать какой он внимательный и заботливый отец нации. Рассуждения о его диктатуре только усиливают уважение к нему, так как все устали от анархии в обществе и повальном воровстве. Многие помнят и увлечения национализмом. Из-за белорусского языка в школе Санька еле успевал в 1 и 3-м классах, как можно учить математику, да ещё на белорусском языке, который ни он, ни другие дети не знают. Лукашенко прекратил этот кошмар, за что я ему очень благодарен.

На родительском собрании, посвящённом началу учебного года в 9-ом Санькином классе, классная руководительница говорила, что по опыту работы школы заметно повышение уровня требований при поступлении в институты. Школы не хватает, и дети вынуждены ходить с 9 по 11 классы на подготовительные курсы и поступать в лицеи. Уровень высшего образования тоже повышается, людей готовят для работы в условиях единой мировой экономики, европейские стандарты образования незаметно охватывают и наши вузы. Раина племянница Оля перешла на второй курс в нархозе по специальности экономика туризма с углублённым изучением немецкого языка. Это уже ориентация на работу в совместных туристических фирмах.

Поэтому, Люба, мне и понятна забота о Ваших внучках, которые мне очень нравятся, и дай Бог им здоровья и успехов. А одна наша родительница по фамилии Кубасова, у неё дочь учится на одни пятёрки, выражается очень откровенно: детей надо проталкивать, чему она и посвящает свою жизнь. Это у неё третья дочь. А первую она успешно "протолкнула" через школу и университет. За это Кубасову все уважают.

На этом, Люба, желаем Вам всего хорошего. Я очень рад, что у моего брата есть такая красивая и умная женщина, дай Вам Бог счастья, насколько это возможно.

До свидания.

Володя

Письмо Володи Опекунова его самому старшему сыну от 28 октября 2001 г.

г. Минск

Дорогой Илюша!

Очень рад, что ты объявился, и что твои дела идут, дай Бог, неплохо, как я их понимаю. Я получаю письма от Игнатьева и каждый раз жалею, что письма не от моего родного сына.

Я прилагаю к этому письму копии писем Лебле и Намгаладзе, чтобы не повторяться в описании нашей жизни. Мой роман потихоньку продвигается. Меня радует, что некоторые строки его оказались пророческими. В главе "Прощание славян" я пишу о своём только что родившемся сыне. О его светлом будущем. Мой сын читает "Песни царя Соломона" на иврите. Когда я писал эти строки, ты учился на четвёртом курсе, а теперь действительно можешь прочитать "Песни". И так, как я о том мечтал.

Жду от тебя письмо. Пиши как можно больше, мне всё интересно.

Я выбираю электронную почту два раза в неделю, если это не делает Андрей, так что возможна задержка с ответом, кроме того надо собраться написать. В любом случае надеюсь, что наша переписка благодаря электронной почте оживёт.

Желаю тебе успехов.

Володя

Открытка Майечки Бирюковой от 20 ноября 2001 г.

Дорогой Саша,
поздравляем тебя с днём рождения. Здоровья, здоровья и бодрости!

"Тебя поздравить очень рады
И с восхищением говорим:
С тобою встреча - как награда,
Мы все тебя боготворим.
Пусть будет в жизни всё, как прежде
Любовь, уверенность, надежда,
Движение к цели и удача,
А сердце добрым и горячим!"

Очень сожалеем, что не участвуем в торжестве, но поднимем бокал! Ура!
Целуем Вас
Майя, Гена

Милая Сашенька, большое спасибо тебе за книгу о Москве, она дополняет нашу коллекцию и добавит знаний. Мы по-прежнему стараемся бродить по старой Москве. На прошлой неделе обошли Сретенку и сходили в музей Викт. Мих. Васнецова, домик-теремок.

Чаще всего ходим в ЦДХа, где частая смена экспозиций. 25 ноября идём на сольный концерт Аси, она стала петь лучше, чем в юности.

Как ваши дети? С Ирочкой иногда переписываюсь, а о Мите ничего не знаю. Наш внук ходит в детсад, поэтому видимся редко. Андрей нас навещает. Гена работает, взялся опять "резать баб". Приезжайте. Будем рады.

Письмо Ирины от 4 декабря 2001 г.

Привет!

Митя, получил ли ты сообщение о рейсах в Калининград?

Алексей на горке сегодня раскроил подбородок. Не так сильно, как в детском саду, но пришлось зашить. Получилось очень удачно: застала по телефону на приёме нашего травматолога, и он, захватив инструменты, приехал к нам и всё сделал очень аккуратно.

У нас выпал снег, и температура опустилась до минус 7. Правда, снега было немного, теперь он смёрзся и весь посерел.

Целую. Ирина.

Письмо Мити от 9 декабря 2001 г.

Привет!

Эти две недели получились весьма интенсивными, и на подробное письмо никак не мог уделить время.

Сегодня (9 декабря) Лене исполнилось двадцать пять лет! Утром отмечали это событие за завтраком с Хилле (они подарили большую корзину с различными деликатесами). Потом мы гуляли на Майнау (сегодня солнечный день, около нуля), где много новых бабочек, а в замке экспозиция кукол и рождественских пирамид конца XIX – начала XX века. Вечером у нас были Мари с Майклом и Кьяра.

В конце прошлой недели открылась рождественская ярмарка, мы ходили по ней уже несколько раз. Много стендов и товаров, такие же, как и на прошлогодней ярмарке, и ходим мы туда иногда только поесть.

У Лены пока еще довольно много учебы, сессия начнётся только в конце января.

Основное событие на работе – мою статью, похоже, принимают к публикации в Journal of Biological Chemistry. Удивительно, насколько быстро всё там работает. 28 ноября я послал статью на рассмотрение (делается это on-line, всё в электронном виде). В журнале её рецензировал один из членов редколлегии, и дал в целом весьма позитивный ответ. Был, собственно, только один вопрос по существу, на который не так сложно было ответить. В четверг вечером я отослал уже исправленный вариант, и если всё пройдет хорошо, то уже в конце следующей недели статью могут опубликовать on-line (и через 2-3 месяца - на бумаге).

Второе событие – поездка в Саарбрюкен на фирму Genoria, где я в среду утром делал доклад по своей докторской работе. Фирму основал человек, который работал в Ульме с кальциейрином и занимался практически теми же вещами, что и мы. Свои открытия он хочет коммерциализировать и основал год назад фирму, которая находится всё ещё в стадии становления. Интересно, что они купили на фирме, где работает Ральф, прибор, и именно во время моего доклада Ральф был на фирме с целью оптимизировать использование этого прибора. Во вторник вечером мы встретились с Ральфом, основателем фирмы (Хельге Фолкель) и несколькими сотрудниками в ресторане отеля, где нас поселили. Общались почти до полуночи в неформальной обстановке.

На следующее утро я сначала посмотрел, как работает прибор Ральфа, потом около часа докладывался по нашей работе, потом мне показывали лаборатории, я поговорил с Хельге и в час дня отправился назад. Суть их интереса к нашей работе двояка. Во-первых, они нуждаются в белке. У них самих методика производства белка не налажена, и кальциейрин они покупают по бешеной цене – 500 марок за 30 микрограмм (я получаю в неделю около 3 миллиграмм). В принципе мы можем продать им белок, только это не очень легко официально проверить. Возможно, всё-таки что-то из этой инициативы выйдет. Второе, они нуждаются в принципе в моём опыте работы с кальциейрином и были бы не прочь взять меня на работу. Это предложение, однако, хотя и имеет свои привлекательные стороны, пока не очень приемлемо для меня. Честно говоря, то, что они делают с кальциейрином, не несёт для меня какого-то терапевтического (?) потенциала, и судьба этой фирмы (у них всего 8 человек) через два года совсем неясна.

За этими делами работа над диссертацией немного приостановилась. В следующие две недели хочу её форсировать.

Это вкратце все наши новости.

Крепко целуем.

Митя, Лена.

Моё письмо детям от 14 декабря 2001 г.

Здравствуйте, все!

Однако, время летит, не останавливаясь, и вот уже неделя всего осталась до зимнего солнцестояния, а там и день начнёт прибавляться. Из-за темноты, усугубляемой облачностью, и из-за собраний в гаражном кооперативе на лыжах мы с мамой не катались в прошлые и позапрошлые выходные. К тому же я приболел – заливался соплями, но, благодаря ремантадину и афлубину, обошёлся не слишком высокой температурой и управился за четыре дня, не пропустив ни одного рабочего из них. Последнее, наверное, было зря, так как, похоже, я заразил своего настырного студента – Илью Артамонова, который сегодня во второй раз завалил автодром (на права сдаёт), приходил ко мне жаловаться на судьбу, хлюпая носом, а потом позвонил из дому и сообщил, что у него температура за 38 поднялась.

Две недели назад мы с мамой по телевизору (канал «Культура») смотрели фильм-оперу «Кармен» 60-х годов в постановке Герберта фон Карояна и Венской оперы и получили огромное удовольствие, я так все четыре часа (мама говорит – три) не отрывался, что и было самым сильным впечатлением последнего времени.

Дочитал с неслабевшим интересом сборник интервью с Иосифом Бродским и попытался было перейти на его стихи, но не потянул – не для меня эта музыка. Поразило в одном из интервью более десятилетней давности его пророчество об исламизме как главной опасности цивилизации.

Переключился на Викторину Токареву, подвернувшуюся под руку в виде остатка от Градиных вещей, и, местами, которые зачитывал маме, гоготал от удовольствия. Иногда очень хорошо пишет.

А в Прозе.Ру в «Колонке редактора» появилось такое:

Обзор N 87 (Сергей Черняев)

...

"Путеводитель по Запискам рыбакова-любителя (91-240, 1970-79 г.г.)". Намгаладзе.

« Кажется, титанический труд Намгаладзе наконец-то завершен.

Основная ценность романа – информация. По сути это – колоссальное подробное жизнеописание. Такие вещи любят в архивах, поскольку они позволяют впоследствии обнаруживать наимельчайшие, навсегда, казалось бы, утерянные, исторические детали (о чем авторы подобных вещей, как правило, и не подозревают)».

Автор обзора, видимо, решил, что появление «Путеводителя» (точнее, его первых двух частей) означает завершение моего «титанического труда». Но, начиная с марта месяца, я разместил в Прозе.Ру 190 главков, а это лишь пятая часть примерно написанного. Число моих читателей растёт медленно, но неуклонно и недавно перевалило через двести (207).

Мы с мамой очень рады Митиным успехам: и со статьёй, и с потребностью в кальцинейрине в Саарбрюкене. Надо договор с ними заключить на проведение якобы исследований, а под этим видом продавать кальцинейрин, с согласия Ульриха, разумеется.

Митенька, определись, пожалуйста, с Анналами NYAS – какие тебе нужны, мне надо членство обновлять.

Я планирую лететь в Калининград 28-го и обратно 4-го, но билеты ещё не брал. Готов выступить, как обычно, в кирхе на семинаре – 29-го или 3-го. Надеюсь привезти диссертацию Олега Мартыненко. Мама билеты на поезд взяла на 27-е, а прибудет только 30-го. Заказывайте, чего нужно.

Всех целуем.

Папа-дед, мама-бабуля.

P.S. Прилагаю отрывочки из последнего письма Володи Опекунова.

Письмо Ирины от 17 декабря 2001 г.

Мамочка, здравствуй!

Действительно, теперь поезда из Питера отправляются с Витебского.

Ваня вчера поехал в Москву. Погода у нас мерзкая - гололёд и дождь.

Неплохо было бы, чтобы папа привёз ещё набор вкладышей для фото, лучше, чтобы перфорации для скоросшивателя были в плёнке (у меня гости при просмотре вырвали несколько листов). 15-го Лёша участвовал в соревнованиях. Борясь на равных в сумо, он проиграл свой бой.

Целую. Ирина. 17.12.01

А вот несколько снимков, сделанных приблизительно в это время в ПГИ (на проводах Дели).

Деля, Чурикова, Хвиюзова, Куликов, Терещенко В.Д., Сашуля, Терещенко Е.Д., Толочкина, 2001 г.

Юрий Львович Свердлов, Валя Терещенко, Николай Александрович Овчинников, Толочкина, Роман Юрик, 2001 г.